

ными трансформациями» (например, в случае словообразования), а не категории и функции отдельных языков, представляющие собой оппозитивные величины, которые могут рассматриваться только как мотивация правил употребления языка. С другой стороны, структурная лингвистика не может решить проблемы трансформационной грамматики; она не может их и поставить, так как обозначение соответствует уровню речи, а не отдельных языков: поэтому при таком рассмотрении языка присущие речи категории обозначения не предстают в качестве единиц, если только они не совпадают с категориями отдельных языков. В трансформационной грамматике предметом исследования становятся, собственно говоря, категории речи, а категории отдельных языков остаются на заднем плане — они молча принимаются как данность, и их выделение представляется интуиции. В структурно-функциональной грамматике, напротив, исследуются категории и функции отдельных языков, а категории речи предоставляются интуиции. В полной трансформационной грамматике языка единое обозначение для *mit dem Messer, unter Benutzung eines Messers, mit Hilfe eines Messers* (ножом, с использованием ножа, с помощью ножа) и т. д. будет фигурировать в одном месте, а конструкция *mit X* появится в различных местах в зависимости от рассматриваемых эквивалентностей. В то же время в структурно-функциональной грамматике функциональная единица будет фигурировать в одном месте, а различные эквивалентные способы обозначения — в разных местах. Поэтому грамматика языка должна, собственно говоря, делаться дважды: как грамматика языка в виде парадигматической системы и как грамматика речи на этом языке, т. е. как система правил для перехода от содержания мышления к речевым актам с помощью конкретного языка. На это, кстати, хотел указать уже Георг фон дер Габеленц (1891 г.), проводя различие между аналитической и синтетической грамматикой.

Точно так же трансформационная и структурно-функциональная лингвистики не могут решить проблемы лингвистики текста как таковой. Во-первых, они не могут этого сделать, потому что они в своей постановке вопроса вынуждены отвлекаться от ситуационной обусловленности текстов. Во-вторых, дело в том, что обозначение и значение выступают в тексте в качестве инструментов, служащих для выражения смысла. Однако и лингвистика текста как таковая не может решать проблемы трансформационной грамматики и структурно-функциональной лингвистики, потому что в перспективе смысла различные категории обозначения и значения часто редуцируются лишь до размеров одной функции текста, и наоборот, единые категории обозначения и значения часто разлагаются на различные функции текста. Попытки объяснения функций отдельных языков, например времен глагола, на основе текстовых форм (таких, как сообщение или рассказ), надо считать потерпевшими провал. Кстати, как мне представляется, такая постановка вопроса содержит в себе порочный круг: время не является повествовательным, так как оно употребляется в рассказах, а наоборот, оно употребляется в рассказах, так как оно благодаря своему языковому значению имеет «повествовательный» характер (т. е. пригодный для рассказа).

4. Я надеюсь, что мне удалось показать теоретическую комплементарность направлений современной лингвистики. Практическая комплементарность, т. е. разумное сотрудничество между этими направлениями, зависит, однако, от того, смогут ли лингвисты отказаться от вторжения в чужую область и от притязаний на исключительность, т. е. от того, поймут ли представители этих направлений, что хотя они и говорят об одном явлении — языке, но с различных углов зрения и на различных уровнях.

Перевод с немецкого языка.